

Труд шахтера должен быть безопасным

DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2023-10-20-27>

МОХНАЧУК И.И.

Канд. экон. наук,
председатель
Российского независимого
профсоюза работников
угольной промышленности,
109004, г. Москва, Россия,
e-mail: pred@rosugleprof.ru

Материал подготовлен по итогам форума «Современные вызовы в социально-трудовой сфере. Инновационные инструменты деятельности профсоюзов», который прошел в мае 2023 г. В ходе форума председатель Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепрофа) Иван Иванович Мохначук выступил с подробным докладом о травматизме в угольной отрасли России, о работе технической инспекции профсоюза, а также уполномоченных (доверенных) лиц по охране труда. На данный момент на российских шахтах действует 1041 уполномоченный от профсоюза по охране труда. Уполномоченные по пути на работу, с работы, на рабочих местах в ежедневном режиме контролируют вопросы охраны труда и выдают представления на устранение нарушений. Иван Иванович Мохначук отметил важность ратифицированной Россией Конвенции Международной организации труда № 176 о безопасности и гигиене труда на шахтах. После аварии на шахте «Листвяжная» 25 ноября 2021 г. Росуглепроф обратился к стороне, представляющей интересы работодателей, с предложением вступить в переговоры по внесению изменений и дополнений в Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности РФ (ФОС) на 2019-2021 гг. Положения Конвенции позволили распространить действие ФОС не только на работников, занятых на подземных работах, но и на работников, занятых на открытых горных работах.

Ключевые слова: Росуглепроф, закон о труде, охрана труда, безопасность, гигиена труда, социальная стабильность, авария на шахте «Листвяжная», травматизм в угольной отрасли.

Для цитирования: Мохначук И.И. Труд шахтера должен быть безопасным // Уголь. 2023. № 10. С. 20-27. DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2023-10-20-27>.

РАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ

После распада Советского Союза законодательство Российской Федерации существенно трансформировалось. В России до 2004 г. действовал Кодекс законов о труде. Мы двигались в парадигме социального партнерства, была создана российская трехсторонняя комиссия. Министерства, согласно положениям о министерствах, отвечали за обеспечение социальной стабильности в отраслях и на предприятиях, подведомственных отрасли. В 2004 г. правительство провело рыночную реформу, были отменены положения о министерствах, о социальном партнерстве, о социальной стабильности. Государство ушло из сферы участия в социальном партнерстве. У нас осталась трехсторонняя комиссия на высшем уровне, но, что касается отраслей, то, скажем, Министерство энергетики полностью отстранилось от участия в переговорах между профсоюзом и работодателями.

Мы всегда исходили из одной простой вещи, что, если что-то не запрещено в разумном понимании, значит, это разрешено. Но шахта представляет собой опасное производство, поэтому, в случае каких-то инцидентов, прокурор может потребовать разрешительные документы, а если их нет, мы сталкиваемся с перевернутой парадигмой, вести переговоры в таких условиях крайне сложно.

Российская угольная отрасль сегодня – на 100% частная. Мы с вами во многом бывшие советские люди, выросли и воспитывались в другое время. Сейчас предприятия не наши, у них есть собственники, и в разговоре они ясно дают это понять, что также усложняет переговорный процесс.

ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИИ НА ШАХТЕ «ЛИСТВАЖНАЯ»

В 2021 г. произошла авария на шахте «Листважная», тогда погиб 51 человек. Прокуратура обвинила профсоюз угольщиков в том, что мы виноваты, что погибли люди, потому что мы недосмотрели, недоглядели, наши уполномоченные по охране труда, инспектора плохо сработали (рис. 1, 2).

Когда стали разбираться, кто в чем виноват, то оказалось, что люди работали с грубейшими нарушениями правил безопасности по газу метану. При 4%-ной концентрации в воздухе метан взрывается, шахтеры прекрасно знают, что будет метан – искра найдется. Работодатель платил небольшую зарплату и мотивировал премией за выполнение нормативов. Чтобы выполнить эти нормативы, приходилось нарушать правила безопасности.

Зная, что метан при концентрации до 4% в воздухе не взрывается, шахтеры работали на грани 3-3,5%, шли всплохи по почве, то есть метан выделялся и воспламенялся. Когда работники стали возмущаться, работодатель начал увольнять их с работы по одному, заставляя замолчать. В итоге такая ситуация привела к трагедии.

2 декабря 2021 г. после аварии прошло совещание у Президента РФ, где я прямо обозначил ряд позиций, особо отметив, что поручение по условно-постоянной, условно-переменной частям зарплаты (70% на 30%), которое было дано еще после аварии на шахте «Распадская» в 2010 г., не выполнено.

В последующие месяцы мы проанализировали 16 томов актов расследования аварии на шахте «Листважная» и направили Президенту РФ конкретные предложения по улучшению ситуации не только в угольной отрасли, но и в целом по деятельности профсоюзов в России.

Более года у нас ушло на ведение переговоров с работодателями по выполнению поручений Президента РФ. Так как компании частные, они считают деньги, а вопросы по безопасности и охране труда – дорогостоящие, поэтому переговоры были тяжелыми. Тем не менее нам удалось добиться того, что были внесены изменения в административное законодательство. Теперь Рострудинспекция совместно с профсоюзами будет проверять выполнение любых федеральных отраслевых соглашений, а следовательно, и коллективных договоров на предприятиях Российской Федерации. Более того, в соответствии с поправками к статье 5.31 Административного кодекса РФ Рострудинспекции будет дано право штрафовать работодателя за невыполнение тарифного соглашения. Считаю это положительными сдвигами.

РЫНОК ТРУДА В РОССИИ

На мой взгляд, частный собственник с точки зрения экономики более эффективный, чем государство. В советское время, например, в 1988 г. мы добыли максимально на территории РСФСР 425 млн т угля. Для сравнения, в прошлом году мы добыли 443 млн т угля, то есть почти на 20 млн т больше. В советское время у нас было 249 шахт, в прошлом году была 51 действующая шахта, то есть почти в 5 раз меньше. На предприятиях в советское время у нас работали 588 000 человек – это только угольные предприятия, в отрасли в целом было занято 1 200 000 человек. Сегодня на предприятиях угольной отрасли в России работают 140 000 человек. Данные наглядно показывают, насколько упала численность предприятий и насколько выросла производительность труда.

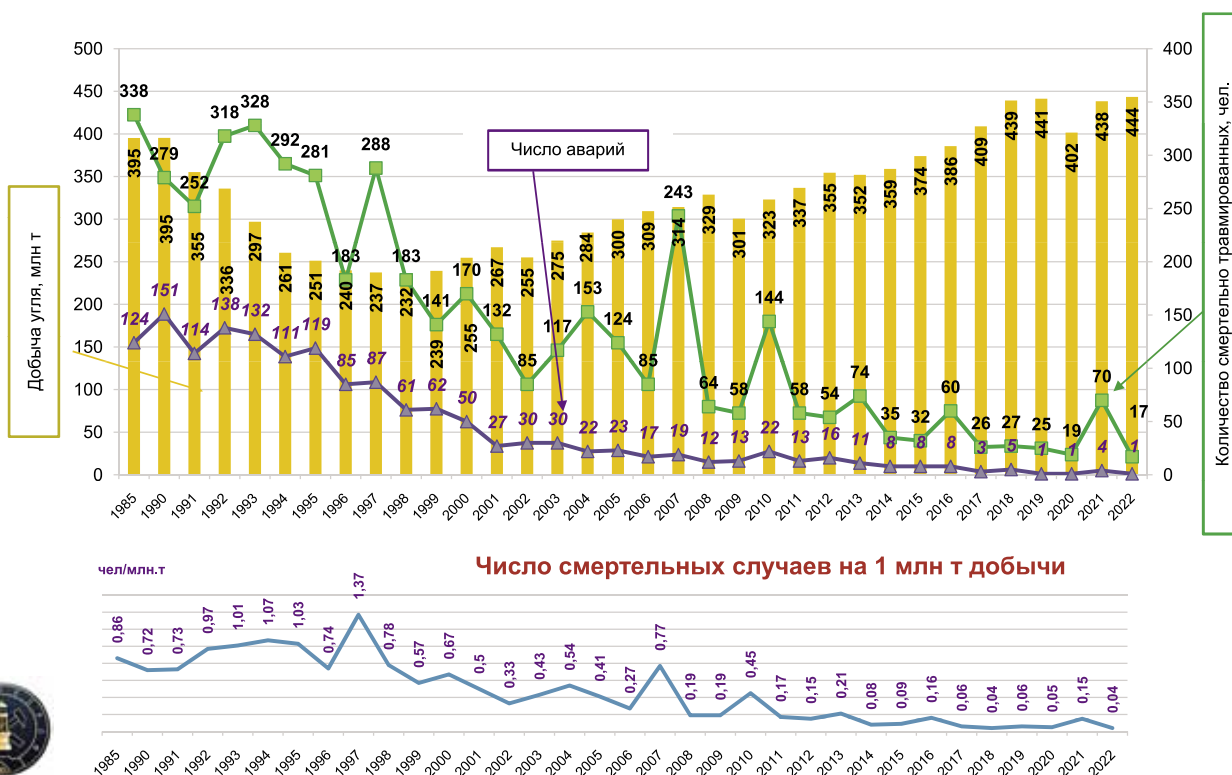

Рис. 1. Динамика добычи и смертельного травматизма в угольной промышленности

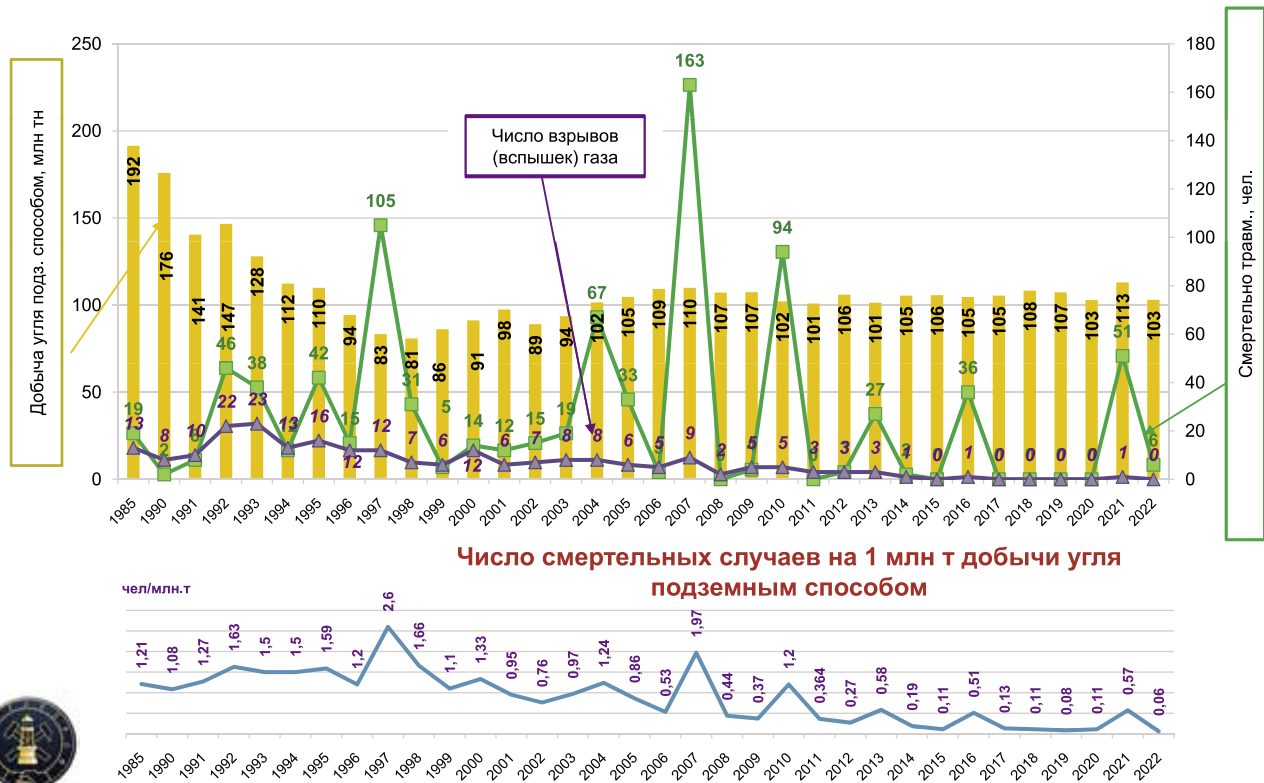

Рис. 2. Динамика подземной добычи и смертельного травматизма в результате взрывов (вспышек) газа метана в шахтах

Что касается вопросов безопасности, то в советское время погибали до 300 человек в год на шахтах. То есть на один миллион тонн угля приходился один смертельный случай. Самая трагичная авария в современной истории – это шахта «Ульяновская», когда в 2007 г. погибли 110 человек, потом была авария на шахте «Распадская» в 2010 г. – погиб 91 человек. Последняя крупная авария произошла на шахте «Листвяжная» в 2021 г. – 51 погибший. Мы ужесточили требования к безопасности труда и поставили своей задачей прежде всего то, чтобы шахтер живой, здоровый ушел на работу и должен живой, здоровый вернуться домой.

Вопросы заработной платы стоят у нас не на первом месте, хотя она растет с каждым годом. Если в 2019 г. средняя зарплата составляла 61 000 руб., то в 2021 г. – 72 000 руб., в 2022 г. – 89 000 руб., на сегодняшний день средняя зарплата – 93 000 руб. На отдельных предприятиях, на добычных участках, где идут самые тяжелые работы, проходчики получают 140 000-150 000 руб.

В России начал работать рынок труда. Квалифицированных работников не хватает, и сегодня мы предлагаем работодателям свои наработки с точки зрения возрождения среднего профессионального образования. При советской власти действовал принцип: на 100% работающих на предприятии – 10% текучести кадров. Объединения обязаны были иметь профессионально-технические училища, техникумы для подготовки рабочего и инженерно-технического состава среднего звена для восполнения выбывания людей. Более того, крупные объединения должны были иметь высшие учебные заведения. После развала Советского Союза вся эта учебная база была передана местным органам власти, и училища, техникумы, вузы

утратили свою сущность, стали подстраиваться под рынок, готовить каких угодно специалистов, но не тех, которые нам нужны.

На сегодняшний день в угольной отрасли наблюдается дефицит ГРОЗов, проходчиков, электрослесарей, особенно подземщиков. Естественно, цена труда растет, и работодатель вынужден платить достойную зарплату. К примеру, в Кузбассе в угольной отрасли занято порядка 100 000 человек, именно на угледобывающих предприятиях – 70 000 человек. В часе езды шахтеры могут найти себе новое место работы, где зарплата будет на 3 000-5 000-10 000 больше. Люди мигрируют с одного предприятия на другое, иногда бригадой поднимаются и уходят. Чтобы остановить этот процесс, работодатель постоянно повышает зарплату, которую наш профсоюз не ставит своей основной задачей. Повторюсь, мы ставим задачу, что шахтер живой, здоровый ушел и живой, здоровый пришел с работы.

ТРАВМАТИЗМ В УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ И РАБОТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ (ДОВЕРЕННЫХ ЛИЦ) ПО ОХРАНЕ ТРУДА

За прошлый год «трудопотери» только по травмам и профессиональным заболеваниям составили 111 484 человека, то есть 310 человек не работали каждый день. Для понимания: 450 человек в среднем составляют коллектив одной шахты, таким образом, одна шахта целый год стояла из-за потерь по травмам и профзаболеваниям.

Наш профсоюз наладил самый точный учет травм, смертельных случаев на производствах. К сожалению, никто из государственных органов в России – ни Минтруд,

ни Минздрав, ни Роструд, ни Военизированные горноспасательные части МЧС России (ВГСЧ) – не знают, сколько точно людей всего погибает, травмируется, заболевает. Роструд считает только те случаи, которые попадают в зону их компетенции, ВГСЧ считают только тех, к кому они выезжают в случае аварии, скорая помощь считает тех, к кому их вызывают на поверхности. Росстат в целом считает раз в год несчастные случаи, приведшие к гибели людей, для того чтобы дать информацию для формирования бюджета государства на затраты относительно компенсаций. Мы же, профсоюз угольщиков, считаем все тяжелые несчастные случаи, все смертельные случаи, которые произошли на предприятии, учитывая все виды работы (подрядные, субподрядные, другие).

Когда мы обращаемся в органы власти, к примеру в Минэнерго, в Минтруд, с нами сначала могут не соглашаться. Но так как мы ведем учет в таблице и за каждой цифрой стоит конкретный человек с фамилией именем отчеством, то в итоге с нами не спорят. Учитывая дефицит рабочей силы, некоторые работодатели также начинают задумываться над вопросами безопасности и охраны труда. К сожалению, еще не все наши работодатели понимают, что мы делаем.

Для нашей отраслевой газеты «На-гора!» мы стали готовить алгоритмы, с которыми члены профсоюза могут ознакомиться на профсоюзных стендах на шахте. Первый алгоритм был посвящен работе уполномоченных (доверенных) лиц по охране труда на шахте. Он составлен по принципу светофора с тремя уровнями: зеленым, желтым и красным (рис. 3).

По российскому законодательству на особо опасных предприятиях на каждом рабочем месте должны быть уполномоченные по охране труда. Мы разработали Положение об уполномоченном по охране труда, в котором четко прописали критерии, что уполномоченные избираются из членов трудового коллектива, обладающих знаниями, умениями, навыками в вопросах безопасности и охраны труда, обучаются за счет средств Фонда социального страхования и дальше могут выполнять свою функцию. Уполномоченные работают на общественных началах. Некоторые ответственные работодатели через колдоговор стимулируют их доплатой к тарифной ставке, дополнительным отпуском, бесплатными путевками или моральными поощрениями, например наградами.

Задача уполномоченного по охране труда – по пути на рабочее место (оно может быть расположено очень далеко, можно идти 3-4 км под землей) и на рабочем месте выявлять нарушения: где-то ролики свистят, пересып не зачищен, освещение не работает, заземления нет и т.д. Поднявшись на поверхность, уполномоченный пишет представление начальнику участка. Если инженерно-технические работники на участке взаимодействуют, устраняют вовремя нарушения, то вопрос решается на зеленом уровне светофора.

Если же работодатели воспринимают в штыки работу уполномоченных и начинают оказывать на них давление, то мы переходим на желтый уровень светофора. В этом случае техническая инспекция профсоюза вмешивается в процесс и дает представления, которые работодатель обязан рассмотреть и дать на них ответ профсоюзу в течение 7 дней. Более того, согласно Федеральному закону «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» на особо опасных предприятиях может создаваться институт общественных инспекторов Ростехнадзора по представлению профсоюза.

В Росуглепрофе создан такой институт, у нас есть 19 общественных инспекторов Ростехнадзора. Мы очень плотно взаимодействуем с Ростехнадзором, составляем ежегодный график проверок по всем предприятиям, шахтам, разрезам, фабрикам. Вместе с Ростехнадзором, а также с Рострудом мы проверяем работодателя, основываясь на поручениях Президента РФ и существующих соглашениях.

Если желтый светофор не срабатывает, тогда приходят представители Ростехнадзора, Роструднадзора, прокуратуры. По предписанию Ростехнадзора предприятие может быть остановлено на 90 дней. После этого работодатель задумывается, как взаимодействовать с профсоюзом, с общественными инспекторами и так далее.

Могу сказать, что после аварии на шахте «Листвяжная» мы плотно работаем с Ростехнадзором. Он «закошмарил» бизнес до такой степени, что работодатели звонят мне, просят договориться с Ростехнадзором, чтобы им разрешили продолжить свою работу. Если шахта добывает 5 000 т угля в сутки, то любой работодатель может посчитать, во сколько обходится остановка. В одном железнодорожном вагоне помещается 60 т, значит, работодатель теряет в день 83 вагона с углем, если шахта остановлена.

Мы к этому относимся предельно понятно. Устраняйте, – стоять не будете. Не хотите – стойте. Жизнь и здоровье шахтеров бесценны.

Мы добились в тарифном соглашении, что в случае гибели шахтера семья получает трехмесячный средний заработок одновременно, пособие на погребение, каждый иждивенец в семье получает годовую заработную плату, детям выплачивают ежемесячно пособие до достижения ими 18 лет либо завершения образования в размере порядка 10 000 рублей. Сейчас мы настаиваем, чтобы эта сумма была повышена до уровня минимального размера оплаты труда (МРОТ).

В случае гибели шахтера, если семья нуждается в жилье, то работодатель решает жилищный вопрос – производит ремонт или выделяет квартиру, погашает кредиты. Например, по шахте «Листвяжная» социальные выплаты составили 1 млрд 80 млн руб. на погибших и пострадавших. Кроме того, шахта более года простояла. Мы посчитали, что совокупно собственник потерял более 5 млрд руб.

Убытки шахты «Северная» составили более 3 млрд руб. При этом собственник потерял шахту, ее не удалось вос-

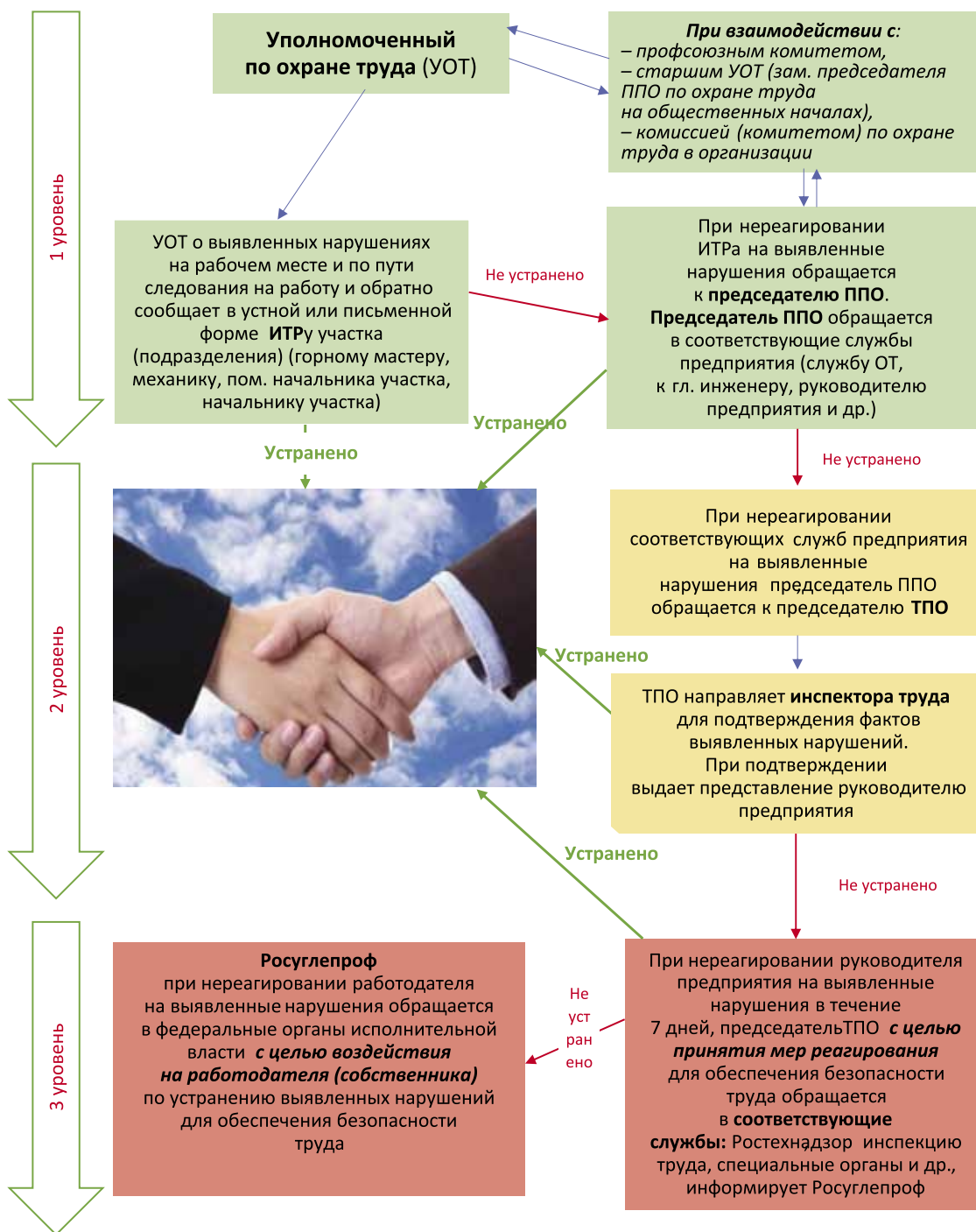

Рис. 3. Алгоритм взаимодействия уполномоченного (доверенного) лица по охране труда Росуглепрофа, с целью предупреждения аварийных ситуаций

становить. На шахте «Распадская», когда в 2010 г. погиб 91 человек, общие затраты по реконструкции и восстановлению составили более 10 млрд руб.

Мы пытаемся донести до собственника одну простую вещь, что взаимодействие с уполномоченными по охране труда, устранение мелочей, выявленных вовремя нарушений, ведут к сохранению имущества собственника. В финансовом плане – шахты не стоят, добывают уголь, и собственник получает прибыль, люди получают зарплату, шахта не взрывается, никто не погибает, нет дополнительных выплат. Такую работу мы будем продолжать.

ЗДОРОВЬЕ ШАХТЕРА БЕСЦЕННО

Еще одна проблема, с которой мы столкнулись, – естественная смертность. В прошлом году количество смертельных случаев на предприятиях составило 32, из них 15 случаев – естественная смерть (см. таблицу).

В соответствии с российским законодательством на шахтах организован предсменный, внутрисменный, послесменный медицинский осмотр, чтобы убедиться, что в данный момент работник физически, психологически готов выполнять трудовую функцию. Раз в 5 лет работники проходят диспансеризацию, проводятся так-

Анализ травматизма и аварий в 2022 г.

	янв.	фев.	мар.	апр.	май	июн.	июл.	авг.	сен.	окт.	нояб.	дек.	С начала года
Травма	12	7	10	4	10	6	12	18	10	18	17	5	129
По виду деятельности:													
– шахта	10	7	5	4	9	4	10	16	8	17	16	4	110
– ОГР	2	0	5	0	1	2	2	2	2	1	1	1	19
По месту нахождения:													
– подземные работы	7	4	4	4	8	3	8	15	8	6	4	2	73
– поверхность	5	3	6	0	2	3	4	3	2	12	13	3	56
Смертность н. сл. (всего)	5	6	4	1	2	1	4	1	4	0	1	3	32
Смертность от травматизма	3	1	3	1	1	0	1	1	2	0	1	3	17
– подземные работы	1	0	1	1	0	0	1	0	0	0	0	2	6
– поверхность	2	1	2	0	1	0	0	1	2	0	1	1	11
Естеств. смертность	2	5	1	0	1	1	3	0	2	0	0	0	15
– подземные работы	1	1	0	0	0	1	2	0	2	0	0	0	7
– поверхность	1	4	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	8
Серд.-сосуд. заболевания	4	6	9	2	5	6	6	5	6	2	4	7	64
– подземные работы	2	5	6	1	2	3	5	4	5	1	2	2	38
– поверхность	2	1	3	1	3	5	1	1	1	1	2	5	26
Эпилепсии	0	0	0	1	1	0	1	2	2	0	1	0	8
– подземные работы	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	3
– поверхность	0	0	0	1	0	0	0	2	1	0	1	0	5
Аварии	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
– подземные работы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
– поверхность	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

же ежегодные углубленные медосмотры, специальные медосмотры.

В тарифном соглашении, в законодательстве написано, что работодатель обязан организовать медосмотр, а мы добавили также, что работник обязан пройти этот медосмотр. Если работник отказывается пройти медосмотр, то работодатель имеет полное право не допустить его к работе, с чем мы согласны. Человек должен быть здоровым. Мы подготовили специальный плакат для размещения на стендах в шахтах.

Когда после гибели людей на шахте «Листвяжная», Президент РФ дал поручение увеличить выплаты в случае гибели людей, мы стали вести переговоры. Я предложил сумму в 1000 МРОТов, что на тот день составило более 14 млн руб., за моральный ущерб. Конечно, работодатели, представители министерства не ожидали такой суммы.

Мы нашли исследование Научно-исследовательского финансового института Минфина России от 2016 г., в котором указано, что цена жизни составляет 49 млн руб. Такая сумма необходима, чтобы дети выросли, получили образование, семья после потери кормильца осталась жить на том же уровне дохода. Естественно, этот вопрос вызвал жаркие споры. В итоге в тарифном соглашении мы прописали, что помимо тех выплат, о которых я вам говорил ранее, в случае гибели шахтера работодатель выплачивает 5 млн руб. в качестве морального ущерба.

Вернемся к медосмотрам. В тарифном соглашении есть пункт о том, что в случае тяжелой травмы работодатель выплачивает в счет морального ущерба 500 000 руб. В результате же естественной смерти, кроме оплаты

похорон, шахта никак финансово не помогает, а семья остается без отца.

У шахтеров в России льготная пенсия. После того, как человек отработал 25 лет под землей, он может выйти на пенсию независимо от возраста. Например, если он после армии пришел на шахту в 20 лет, отработал 25 лет на любой должности, то уже в 45-47 лет может выйти на пенсию. Зарплата в отрасли выше, чем в регионе. По разным оценкам, 95-96% людей закредитованы. Люди идут работать на шахту, чтобы погасить кредиты, и боятся остаться совсем без работы. Если после медосмотра шахтера переведут на более легкие работы, потому что ему нельзя работать в тяжелых условиях под землей, он теряет право выхода на льготную пенсию. Люди начинают скрывать свое заболевание

в ходе медосмотров, особенно, что касается сердечно-сосудистых заболеваний. Думают, что можно прийти домой, принять таблетки, в выходные отлежаться, чтобы отпустило, и дальше пойти на работу. Но случается так: пришел на рабочее место, стойку поднял, присел, сердце остановилось – естественная смерть.

Дальше возникает вопрос, как бороться за здоровье людей. На меня обижаются, но я как председатель профсо-

юза считаю, что лучше пусть будет инвалид с маленькими доходами, но живой и в семье. Потому что, когда человек уходит в мир иной, проблемы в семье остаются, без кормильца еще хуже. Если человек остается инвалидом, семья падает на уровень ниже в экономическом плане, но не на дно. На меня обижаются, говорят, что я провожу не ту политику, не защищаю людей. А защищать от чего? От смерти? Или подвигать к смерти? Здесь стоит дилемма, которая на сегодняшний день не решена.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА УСЛОВИЙ ТРУДА (СОУТ)

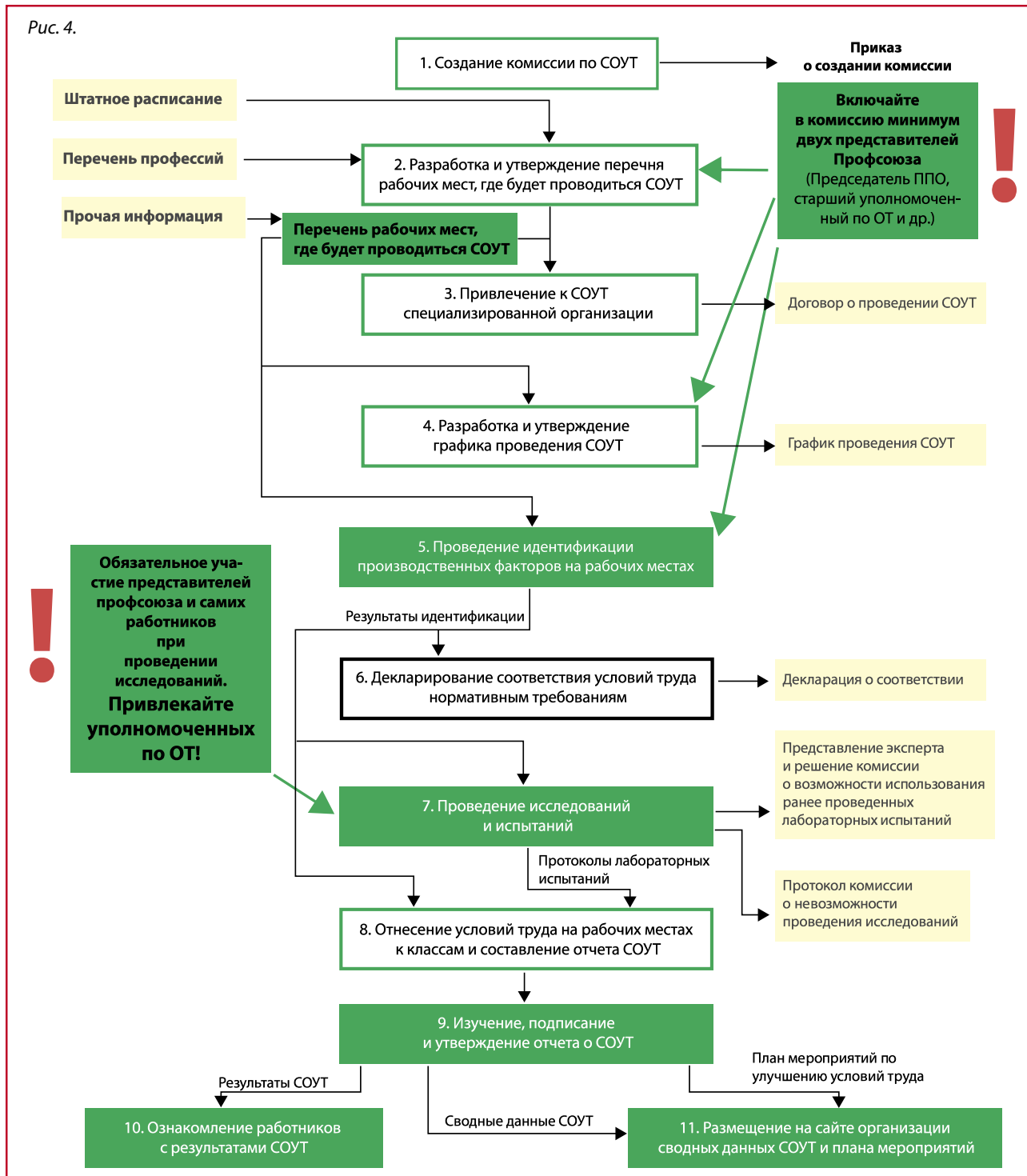
На протяжении долгого времени мы боролись за принятие Федерального закона «О специальной оценке условий труда», в 2013 г. он, наконец, был принят. Я считаю, что это один из прогрессивных законов России, потому что спецоценка условий труда на рабочем месте не может быть проведена без профсоюза, без уполномоченных по охране труда, без присутствия самого работника на рабочем месте во время проведения СОУТ.

Мы подготовили алгоритм, посвященный СОУТ, чтобы шахтеры читали и знали, как проходит спецоценка, потому что от нее зависят их жизнь и здоровье (рис. 4).

Пыль, шум, вибрация – все негативные последствия должны быть отражены в спецоценке. От этого формируются класс условий труда, тарифная ставка, оплата труда, льготы, гарантии, компенсации, выплаты, дополнительные отпуска и все остальное за максимальное наличие вредных факторов.

Этот закон в России работает, к сожалению, не везде, не в полном объеме, но юридически заложена база, которая позволяет нам влиять на условия труда через работодателя. На основе результатов СОУТ в угольной отрасли ежегодно разрабатывается и один раз в 3 года пересматривается комплексный план по охране труда на предприятии.

Рис. 4.

В нем прописываются все положения, он утверждается нормами Ростехнадзора, Минэнерго, Минтруда, Росуглепрофа, Ассоциации «Общероссийское отраслевое объединение работодателей угольной промышленности».

К сожалению, работодатели пытаются придумать обходные пути, не учитывать все вредные факторы, потому что вопросы безопасности для них – это затраты. Тем не менее у нас есть реальный рычаг для воздействия, и наша задача сегодня состоит в том, чтобы спецоценка отражала реальные условия работы, чтобы максимально сохранить и защитить здоровье людей.

Приведу яркий пример. В России норма предельно допустимого шума составляет 80 дБ. Когда делегация нашего профсоюза приехала в США и задала вопрос, какие меры вы предпринимаете, если шум превышает норму в 80 дБ, наши зарубежные коллеги долго не могли понять суть вопроса. Дело в том, что, если шум 79 дБ, они еще работают, а при 80 дБ останавливают рабочий процесс и ждут, когда придут инженеры и разберутся, почему шум превышает предельно допустимые нормы, применят инженерно-технические условия, чтобы снизить этот шум. В России, к сожалению, наши шахтеры работают в условиях, когда шум гораздо выше, и отсюда тугоухость. Также возникают вибрационные болезни и другие заболевания вследствие длительного воздействия производственной вибрации.

Не все специалисты, особенно кадровой службы, понимают рабочие процессы. В одной из крупнейших угольных компаний собственники уволили директора по персоналу, взяли другого с опытом работы в аграрной компании. На мой вопрос, отличает ли он штрек от бремсберга (*прим. горные выработки*) или хотя бы штрек от шлагбаума, оказалось, что не отличает. На мой следующий вопрос, как он планирует работать в таком случае, отвечают, что будет учиться. Когда учиться? Нам работать нужно!

В этом причина всех непродуманных команд. Некоторые директора не берегут имущество собственника. Директор не справился с контрактом либо отработал по контракту 3-5 лет, после этого уходит «с парашютом». Даже если он принял неверные решения, компания не хочет его увольнять из-за каких-то нарушений, потому что от этого страдает имидж компании. Увольнение происходит по соглашению сторон. Недавно одна из крупнейших компаний в России уволила директора по персоналу, и что вы думаете, помимо того, что она получала приличную зарплату, ей выплатили компенсацию в размере 30 млн руб. за досрочное расторжение контракта. Она заявила, что два года сможет отдыхать, потом устроится на новое место.

Проблема в том, что рабочим некуда бежать. Они не могут прийти, уйти. У них семья, дом, работа... А топ-менеджеры относятся к имуществу собственника как к источнику максимального извлечения прибыли, доходов в свою пользу. Эту психологию тяжело менять.

Как правило, мы имеем дело с долларовыми миллиардерами, они миллионы долларов не считают, им мил-

лион долларов больше-меньше – не так важно, а директора на нижнем уровне делают, что хотят. В этом заключается сложность взаимоотношений. Наконец-то нам удалось договориться с Министерством энергетики, и они взяли на себя обязательство участвовать в укреплении и развитии социального партнерства.

В таких условиях мы большое внимание уделяли и будем уделять, повторюсь еще раз, вопросам безопасности и охраны труда.

КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА (МОТ) № 176 О БЕЗОПАСНОСТИ И ГИГИЕНЕ ТРУДА НА ШАХТАХ

Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 176 в 2013 г.

Во время проведения регуляторной гильотины в России в 2019–2020 гг., когда проходили пересмотр и отмена многих нормативных правовых актов, нам удалось отстоять множество важных трудовых стандартов именно благодаря тому, что Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 176. С советских времен, начиная с 1924 г., накопилось более 800 нормативных актов в угольной отрасли. Была создана специальная комиссия, которая сразу отсекала 400 устаревших или дублирующихся актов, оставшиеся 400 еще раз пересмотрели, оставили 200 для последующего пересмотра. В результате сейчас законодательство приведено в порядок, действуют менее 100 актов, охватывающих различные аспекты деятельности в угольной отрасли. Из 36 норм по охране и безопасности труда осталось 12 нормативных актов, которые вобрала в себя все необходимые нормы.

Недавно Конвенция помогла нам в проведении переговоров по внесению изменений в Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности РФ (ФОС) на 2019–2021 гг.

Президент РФ дал поручение, что зарплата шахтера должна быть на 70% условно-постоянной. Например, если производственный план – 100 000 т, 100 000 руб. – зарплата, и даже при невыполнении плана шахтер в любом случае получит 70 000 рублей.

Встал вопрос относительно того, кого мы относим к шахтерам. Работодатели настаивали на том, что шахтеры – это работники, занятые только на подземных работах. В итоге, благодаря Конвенции МОТ № 176, нам удалось отстоять свою позицию и прописать в тарифном соглашении, что шахтеры – это работники, занятые на добыче угля, включая подземные, открытые работы, транспортировку, переработку.

Считаю международную работу крайне важной, особенно деятельность, которую мы проводим в рамках Глобального союза IndustriALL, Международной организации труда. Международные конвенции помогают профсоюзам в нашей работе, потому что они обязательны к исполнению в случае их ратификации правительством страны. В этом случае мы можем отстаивать права профсоюзов и права трудящихся, быть более защищенными.

